

УДК 327.8::321(436.7+47.07::497.1)

**РОССИЙСКАЯ И АВСТРИЙСКАЯ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА
ПОВСТАНЧЕСКОЙ СЕРБИИ (1807 – 1813 гг.)****М.Г. СКОРЬ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

В статье на основе дипломатической переписки проанализированы российские и австрийские модели государственного устройства Сербии на втором этапе Первого сербского восстания. Во введении обосновывается актуальность исследования, проанализированы основные подходы к изучению данного круга проблем. В основной части показана динамика российских и австрийских представлений о статусе, внутреннем устройстве и международном положении будущего сербского государства, выделены факторы, оказавшие влияние на формирование этих представлений. Значительное внимание уделено влиянию европейских событий на политику держав в отношении повстанческой Сербии. Показана взаимосвязь динамики российских и австрийских представлений о государственном устройстве сербского государства с устремлениями повстанцев. В заключении сделан вывод о принципах и целях российской и австрийской политики в отношении Сербии.

Ключевые слова: Австрия, Россия, Белградский пашалык, Первое сербское восстание, автономия.

Введение. С середины XVIII в. Россия стала значительным фактором в национально-освободительной борьбе балканских народов. Еще одним государством, оказывавшим влияние на ход этой борьбы, традиционно выступала Австрия, ведшая с XVI в. войны с Османской империей. Начавшееся в 1804 г. Первое сербское восстание также испытало на себе влияние обеих держав. Особо значительным это влияние было в области государственного строительства, где у сербов не было никакого опыта. Первоначально и сами сербы, и представители великих держав выступали лишь за создание сербской национальной автономии, а не автономного сербского государства в составе Османской империи. Однако ряд политических событий привели к изменению целей и хода восстания. Главной целью восстания стала борьба за создание сербского государства.

В российской исторической науке достаточно подробно рассмотрено взаимодействие России и Сербии в период Первого сербского восстания. Еще в XIX в. в работах А.И. Михайловского-Данилевского, Н.Ф. Дубровина [1], Н.А. Попова, А.Н. Петрова достаточно детально проанализированы российско-сербские отношения в начале XIX в., однако основное внимание в этих работах уделяется военно-политическому сотрудничеству. Активное изучение влияния России на формирование сербской государственности в российской историографии началось лишь в постсоветское время. При этом, говоря о планах России относительно формы правления и государственного устройства будущего сербского государства, большинство историков не идет дальше формальных предложений, выдвинутых Порте на переговорах в Джурджу и Бухаресте. В.П. Грачев [2], анализируя российские проекты будущего сербского государства, рассматривал их как частные инициативы, при этом позиция российского правительства оставалась фактически неизученной. К тому же от внимания историков ускользало влияние европейских событий в общем и российско-австрийских взаимоотношений в частности на позиции России по Сербскому вопросу.

Австрийские историки, активно изучая историю Сербии и австро-сербских взаимоотношений в XIX – начале XX в., практически прекратили исследование в данной сфере после 1918 г., сосредоточившись на восточной политике Австрии в целом. Такие австрийские историки, как Г. Варди, Б. Калаи [3] и Ш. Быстрозановски, акцентировали внимание на агрессивном характере российской внешней политики. Исходя из этого тезиса, они утверждали, что Россия вовсе не была заинтересована в урегулировании конфликта и внесла в зарождающуюся сербскую государственность множество противоречий, указывали, что Россия, при заключении Бухарестского мирного договора фактически бросила сербов на произвол судьбы. При этом они полностью отрицали не только наличие у Австрии захватнических планов в отношении Сербии, но и всячески подчеркивали благодушный нейтралитет своей страны.

Сербская историография, как марксистская, так и современная, опирается на концепцию, сформированную в начале XX в. Ст. Новаковичем [4–6] и М. Вукичевичем [7]. Оба историка исходили из тезиса о том, что формирование сербских государственных институтов и принятие ряда конституционных актов стало ответом на стремление держав превратить Сербию в вассальную провинцию, поэтому формирующаяся сербская государственность не испытала на себе непосредственного влияния России и Австрии. Это определило исследовательские приоритеты последующих поколений сербских историков. Таким образом, несмотря на большое количество работ, посвященных становлению сербской государственности, политике Австрии и России, позиции держав по исследуемому вопросу остаются малоизученными, а исследовательские оценки – зачастую диаметрально противоположными.

Основная часть. Русско-турецкая война, начавшаяся в самом конце 1806 г., принципиально изменила политическую ситуацию на Балканах. Россия, продолжавшая войну с Францией, остро нуждалась в союзниках как в Европе, так и на Балканах, где потенциальным союзником могли стать сербы. Австрия, все еще испытывала последствия поражения под Аустерлицем и последовавшего за ним Пресбургского мира, была не готова к вступлению в новую войну с Портой, при этом стремилась не допустить расширения восстания в Сербии. Сами сербы в августе 1806 г. достигли соглашения (Ичков мир) с Портой по предоставлении им широкой национальной автономии, поэтому восстание к началу войны фактически прекратилось. Таким образом начало Русско-турецкой войны создало для каждой из держав ряд проблем, требовавших скорейшего решения.

Россия, воевавшая на два фронта, с самого начала активно занималась поиском новых союзников. Именно с этой целью командующий Молдавской армией И.И. Михельсон в январе 1807 г. направил Карагеоргию, занимавшему пост верховного вождя восстания, письмо, в котором призывал сербов вступить в борьбу за создание независимого сербского государства [8, с. 478–479].

В российской историографии прочно закрепилось мнение о том, что после письма И. И. Михельсона сербы отвергли условия Ичкова мира, тем самым вступив в борьбу за государственную независимость [9, с. 21]. Однако уже в начале февраля 1807 г. сербы вступили в переговоры с Портой о расширении привилегий, дарованных им Ичковым миром, в частности о добавлении пункта об австрийских гарантиях. Интернунций И. Штюрмер всячески убеждал рейс-эфенди в том, что данный пункт лишит сербов всяческого желания бунтовать, а австрийский император, «верный принципам добрососедства», не будет вмешиваться во взаимоотношения султана со своими подданными. Переговоры были прерваны в середине марта известием о том, что в ходе беспорядков в Белграде был убит назначенный султаном мухафиз. Это событие стало поводом не только для срыва переговоров, но и для объявления сербов мятежниками. Последнее полностью ликвидировало альтернативу Ичкова мира и делало союз сербов с Россией неизбежным [10, с. 208].

Весной 1807 г. у Австрии появился дополнительный стимул как можно скорее урегулировать конфликт в Сербии: на территории Баната и Срема стали распространяться слухи о скором прибытии российских войск и объединении православных славян Сербии, Баната, Срема, Боснии и Черногории под властью одного из братьев российского императора [11, с. 187]. Распространение этих слухов привело к так называемой Тициановой буне – крупнейшему выступлению сербов на территории империи Габсбургов. Несмотря на то, что восстание было быстро подавлено, австрийские власти пришли к выводу о необходимости изменения своей стратегии в отношении Сербии: не допустить проникновения российских войск в Сербию, а в случае возникновения угрозы, – занять крепости по течению Дуная (Белград, Смедерovo, Оршова).

Таким образом, Россия, в отличие от Австрии, движимая исключительно внешнеполитическими и военными интересами, пошла на эскалацию конфликта, используя в первую очередь проблематику государственного строительства: призывая к созданию независимого сербского государства. Австрия, в свою очередь, выступая за сохранение территориальной целостности Османской империи, не рассматривала сербов как самостоятельный народ, способный создать собственное государство, поэтому они должны были находиться в составе одной из империй – Османской, либо Австрийской. Это объяснялось тем, что сербское государство под покровительством России угрожало территориальной целостности империи Габсбургов.

В апреле 1807 г. в штаб И.И. Михельсона прибыла сербская депутация с просьбой назначить им «способного землеуправителя для устройства конституции». Пост российского представителя в Белграде получил чиновник Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникин. В Белград он прибыл лишь 2 августа 1807 г., когда между Францией и Россией уже был заключен Тильзитский мир, одним из условий которого было заключение перемирия между Россией и Портой. Последнее значительно осложняло деятельность К.К. Родофиникина в Белграде. Тем не менее уже 7 августа был принят документ, получивший название «Основание правительства сербского», ставший де-факто сербской конституцией [9, с. 25].

Несмотря на заверения К.К. Родофиникина о том, что принятие документа было целиком и полностью сербской инициативой, маловероятно, что Правительствующий совет, по свидетельству все того же представителя, де-факто прекративший существование, мог разработать «Основание...». Вероятнее всего, текст документа был разработан К.К. Родофиникиным при некотором участии сербских депутатов весной 1807 г.

Предусматривалось создание независимого Сербского княжества во главе с князем. Реальная власть должна была находиться в руках Сената, который являлся высшим законодательным и распорядительным органом. Две трети Сената избирались нахиями и всенародной скупщиной, еще треть составляли воеводы нахий, заседавшие пожизненно. Несмотря на то, что князь являлся председателем Сената, по существу он был лишь главой исполнительной власти и «должен исполнять то, что Правительствующий Сенат учредит». К тому же в тексте документа ничего не говорилось о том, является ли должность князя выборной или наследственной [7, с. 35–36]. Такая попытка ограничения власти князя в целом соответствовала интересам России, поскольку сильный князь мог сохранить относительную независимость, балансируя между Россией, Австрией и Портой, тогда как страна, управляемая коллегиальным органом, неизбежно попадала бы в зависимость от одной из держав, а, учитывая пророссийские настроения сербов, вероятнее всего, Россия занимала бы в Сербии ведущее положение.

В августе 1807 г. между Россией и Османской империей было заключено Слободзейское перемирие, условия которого не распространялись на территорию Сербии. Это ставило восставших в крайне затруднительное положение, поскольку поставки провианта из России через территорию Дунайских княжеств практически прекратились, а со стороны Австрии действовало эмбарго. Все это вынуждало сербов идти на переговоры с Габсбургами.

Переговоры между Карагеоргием и командующим Славно-Сремским участком Военной границы И. Симбшеном состоялись в конце марта 1808 г. В ходе переговоров Карагеоргий выступил с рядом предложений: во-первых, переход всей подконтрольной повстанцам территории под власть Австрии, во-вторых, обещание австрийского правительства не заключать мир с Портой до тех пор, пока не будут освобождены все земли, населенные сербами, в-третьих, после этого Сербия должна управляться либо по немецким законам, либо по законам Военной границы и никогда не должна быть присоединена к Венгрии. Особо оговаривалось, что сербские территории в составе империи Габсбургов будут иметь собственную таможенную службу. Барон И. Симбшен сослался на свою неправомерность принимать такие решения и пообещал организовать повторную встречу, однако по стечению обстоятельств на повторной встрече присутствовали лишь уполномоченные представители, а затем переговоры были и вовсе сорваны сербской стороной [12, с. 445–446].

Вероятнее всего, первоначальный вариант сербских предложений был сформулирован во время бесед одного из лидеров Правительствующего совета М. Миловановича и командира австрийского гарнизона в Земуне, полковника Перша, которые и занимались подготовкой переговоров. Тем не менее первоначальный вариант был значительно изменен сербскими старейшинами. Начиная с февраля 1808 г. на этих встречах М. Милованович не единожды заявлял о «вечной верности и преданности сербов императору» и просил разрешить сербам закупать провиант на территории империи, в ответ на это Перш заявил, что это должен решать И. Симбшен, но только в случае «проявления благорасположения» к Австрии [13, с. 512]. Учитывая переписку Перша с И. Симбшеном, а того – с эрцгерцогом Карлом и министром иностранных дел И. Штадином, под «проявлением благорасположения» подразумевалась передача австрийцам контроля над сербскими крепостями по течению Дуная и установление на остальной территории повстанческой Сербии устройства, аналогичного устройству Военной границы. Первое позволяло Австрии контролировать судоходство и торговлю на Дунае, а второе значительно увеличивало престиж Австрии в Сербии [12, с. 401].

Австрийское правительство справедливо полагало, что оккупация всей Сербии спровоцирует конфликт не только с Россией, но и с Портой, чем вполне могла воспользоваться Франция, объявив войну Австрии. Исходя из этого, глава австрийского МИД не рассматривал возможность оккупации всей Сербии или ее переход под покровительство Габсбургов. Он полагал, что для сербов важнейшим является вопрос поставки провианта, который следует разрешить после «реального подтверждения своей лояльности и желания перейти под власть Габсбургов», а именно добровольной передачи Белградской крепости. При этом эрцгерцог Карл, инструктируя И. Симбшена о дальнейших переговорах, рекомендовал согласиться на все условия сербов, но при этом указать им на то, что австрийское покровительство Сербии вступит в силу лишь после того, как австрийские войска вступят на ее территорию по приказу из Вены, а не по просьбе сербов. До ввода австрийских войск сербы должны реорганизовать свое государственное устройство по образцу Военной границы [12, с. 455–456].

Таким образом, австрийское правительство рассматривало два возможных варианта будущего устройства сербских земель. С одной стороны, создание государственного образования с неопределенным политическим статусом, находящимся в некоторой зависимости от Австрии, России и Османской империи, внутренне организованным, как Военная граница. С другой стороны, при условии благоприятной политической обстановки, рассматривался вариант полного включения повстанческой Сербии в состав империи Габсбургов. Однако, благодаря деятельности К.К. Родофиникина, переговоры были прекращены, а российский посол в Вене обвинил Австрию в захватнических устремлениях.

Проходившие на протяжении 1808 г. русско-турецкие мирные переговоры требовали в том числе и решения сербского вопроса. Поэтому командующий Молдавской армией А.А. Прозоровский потребовал от К.К. Родофиникина его видения будущего устройства Сербии [14, с. 42–43]. Необходимость разработки и принятия выгодной для России модели сербского государства еще более обострилась после заключения Александром I и Наполеоном Эрфуртской конвенции, одним из условий которой был отказ России от создания независимого Сербского княжества либо своего суверенитета над ним [15, с. 363].

В целом «проект К.К. Родофиникина» как целостная российская модель будущего государственного устройства Сербии содержится в двух записках чиновника, комментариях к ним А.А. Прозоровского и замечаниях заместителя министра иностранных дел А.Н. Салтыкова. Согласно записке К.К. Родофиникина, на территории Сербии предполагалось создание вассального Порте княжества во главе с избираемым князем. Зависимость Сербии заключалась в выплате дани, которая не должна превышать 100 тыс. пиастров. Границы княжества, по К.К. Родофиникину, должны были в целом соответствовать границам средневекового сербского государства до правления Стефана Душана. А.А. Прозоровский, комментируя записку, указывал на невозможность создания сербского государства в таких границах, называя южной границей

линию наибольшего продвижения повстанческих войск. Говоря о выборности князя, он замечал, что это позволит Австрии и Порте вмешиваться во внутренние дела Сербии, поэтому власть князя должна быть наследственной. Кроме того считал необходимым создание Сената, в который, помимо прочего, должны были входить российский и французский консулы. Последнее, по замыслу А.А. Прозоровского, должно было в значительной мере ограничивать произвол князя. А.Н. Салтыков, соглашаясь с закреплением исключительной роли России, указывал, что «власть российского консула должна основываться на доверии и уважении, а не на приказе» [16, с. 460]. Судебная система, по замыслу К.К. Родофиникина, должна быть трехзвенной. Высшей судебной инстанцией должен был стать существующий Правительствующий совет, переименованный в суд и разделенный на две коллегии – гражданскую и уголовную. Кроме того, для решения «дел церковных», предполагалось создание особой, церковной, системы судов [14, с. 52–53]. В целом, согласно проекту К.К. Родофиникина, Сербия должна была превратиться в вассальное Порте княжество с гарантиями Франции и России. Особое положение российского консула, заседавшего в Сенате, ставило Сербию под де-факто российское управление.

К весне 1809 г. русско-турецкие переговоры о мире зашли в тупик и были возобновлены военные действия, а проект К.К. Родофиникина так и остался лишь на бумаге. Результатом военной кампании 1809 г. стало практически полное поражение повстанческих войск и угроза захвата турками Белграда. Опасаясь последнего, город покинул и российский представитель, что значительно ударило по позициям России в Сербии. Тем не менее, активные действия российских войск на территории Сербии позволили остановить турецкое контрнаступление и предотвратить захват Белграда, но в глазах сербов это выглядело превращением Сербии в российскую провинцию. Единственной силой, которая могла противостоять России, была Австрия, поэтому в конце лета – начале осени 1809 г. сербские старейшины возобновили переговоры с Австрией [17, с. 329].

После поражения Австрии в войне пятой коалиции новым министром иностранных дел стал бывший австрийский посол в Париже К. В. Меттерних. Он полагал, что в сложившейся обстановке не может быть и речи не только о занятии всей Сербии, но даже о захвате крепостей на Дунае. Максимум, что может сделать Австрия в этих условиях, – это предложить свои услуги в качестве посредника и гаранта последующего соглашения. Тем не менее, по его поручению была составлена записка о будущем государственном устройстве Сербии [18, с. 390].

По мнению австрийских чиновников, в Сербии должна быть установлена конституция, аналогичная конституциям Молдавии и Валахии, при этом утвержденная султаном. Управлять Сербией должен христианский князь, назначаемый Портой. Кроме того, для управления страной создавалась специальная комиссия, формирование которой поручалось австрийским властям. В административно-территориальном плане Сербия должна быть разделена на 12 нахий, 24 кадилука, 144 сельских округа. Такое административно-территориальное деление полностью соответствует устройству Военной границы, где нахия соответствует кантону или полку, кадилук – судебному округу или батальону, сельский округ – роте [19, с. 450]. Был предпринят ряд мер, главной целью которых было недопущение сецессии австрийских сербов. Особо оговаривалось, что внутреннее устройство сербского государства должно как можно более уступать существующей в империи Габсбургов системе Военной границы. Кроме того, для предотвращения массового переселения сербов в создаваемое княжество предусматривалось введение специального разрешения для переселенцев, выдавать которое могла только Порта [20, с. 32].

Гарантом этого должна была стать Австрия, при этом она получала право выступать в качестве рефери в конфликтах, возникающих между сербским и турецким правительствами. В том случае, если одна из сторон отказывалась исполнять принятое решение, допускалась возможность ввода войск на территорию Сербии [19, с. 515].

В целом австрийский проект предусматривал не столько создание Сербского княжества в составе Османской империи, сколько создание сербской национальной автономии, по сути подчиненной Османскому правительству. Назначение князя, по сути губернатора, напрямую из Константинополя делало сербскую автономию во многом формальной, а непонимание австрийскими чиновниками разницы между «христианским» и «сербским» фактически сводило на нет сам факт создания автономии, поскольку под понятие «христианский» в первую очередь попадали греки-фанариоты, что было неприемлемо для сербов. Формирование внутреннего устройства, аналогичного устройству Военной границы, с одной стороны, позволяло сербам иметь достаточно большую армию, способную противостоять турецкой агрессии, а с другой – облегчало инкорпорацию Сербии в состав империи Габсбургов.

Зимой 1810 г. переговоры между Сербией и Османской империей были прерваны. Причиной тому стало участие сербских представителей в составе российской делегации на мирных переговорах в Бухаресте и введение российского гарнизона в Белград, что в глазах европейских держав означало российскую оккупацию Сербии и окончательный переход ее под покровительство России.

К этому времени ни у российских, ни у австрийских властей не хватало влияния для реализации собственной модели государственного устройства Сербского княжества. Зимой 1810 г. российское правительство пыталось организовать в Восточной Сербии второй центр силы. Еще с августа 1809 г. там находился К.К. Родофиникин, осенью того же года, после конфликта с Карагеоргием, туда прибыли опальные воеводы М. Стойкович и П. Добриянц, в феврале 1810 г. в Восточную Сербию переселись белградский митрополит Леонтий и некоторые старейшины. Однако эта попытка потерпела неудачу: большинство старейшин по-прежнему поддерживали Карагеоргия, а оппозиционные воеводы вынуждены были явиться на Белградскую скупщину в январе 1811 г., итогом чего стало их изгнание за пределы страны. Российские войска, прибывшие вместе с ними, никак не вмешались, поскольку командующий Молдавской армией Н.М. Каменский отдал приказ «в дела управления земли, дела судебные и полицейские отнюдь не мешаться ни делом, ни словом» [18, с. 201–202]. Таким образом, в начале 1811 г. остатки российского влияния в Сербии были полностью уничтожены и российские проекты государственного устройства оставались нереализованными.

С начала 1810 г. российское правительство стремилось всеми силами заключить мир с Портой, настаивая на включении в текст договора статьи о сербах. О государственном устройстве в проекте договора говорилось весьма расплывчато: «учредить внутреннее правление по собственному сего народа желанию и независимое ни от какой сторонней власти», гарантом этого должна была стать Россия [23, с. 365]. Османская империя, подстрекаемая Австрией, не желавшей появления у своих границ де-факто российского протектората, отказалась ввести в текст мирного договора пункт о сербах, в результате чего военные действия были возобновлены. После окружения турецкой армии под Руцуком Россия продолжала настаивать на «обеспечении жителей Сербии сколь можно согласно желаниям сербской нации» [24, с. 181–182].

М. И. Кутузов, фактически ведший переговоры о мире, прекрасно понимал, что сербы, не желая возвращаться под власть Порты, будут искать покровительства австрийских Габсбургов. Тем не менее, он продолжал настаивать на российских гарантиях для Сербии и сохранении за ними всех крепостей [25, с. 672–673]. В случае обращения сербов к Австрии между ней и Портой возникал конфликт, вмешаться в который Россия могла на законных основаниях. Таким образом Россия получала бы рычаг воздействия не только на Османскую империю, но и на Австрию.

Однако накалившиеся до предела русско-французские отношения требовали скорейшего заключения мира с Портой, поэтому Александр I призывал М.И. Кутузова отказаться от несущественных требований и заявил, что не будет возражать, если султан сам «начертает статью о сербах» [24, с. 737–738].

В это же время австрийский интернунций И. Штюрмер при поддержке французского посланника убеждал рейс-эфенди заключить союз с Австрией и Францией и отвергнуть все предложения России, аргументируя тем, что отношения суверена со своими подданными не могут быть предметом международного договора. Вместе с тем английский и шведский представители убеждали Порту согласиться на условия России и предоставить сербам конституцию, согласно которой они были обязаны платить Порте дань. Свою позицию они аргументировали тем, что Порта и так уже на протяжении 8 лет не контролирует эту провинцию [26, с. 10]. Таким образом, факт создания сербского государства стал одной из проблем международной политики, что в целом соответствовало целям России. Во многом именно давление со стороны Великобритании и некоторые уступки со стороны России сделали возможным подписание Бухарестского мирного договора.

Согласно ст. VIII Бухарестского мирного договора все крепости, существовавшие на территории Сербии до начала восстания, должны быть возвращены Порте, а возведенные во время восстания должны быть уничтожены. В области самоуправления сербы получали те же привилегии, которыми пользовались жители Ионических островов [24, с. 414]. В целом ст. VIII в полной мере не отвечала интересам ни одной из заинтересованных сторон, однако более всего соответствовала австрийской модели сербской государственности. Несмотря на то, что предоставленные сербам привилегии были несколько шире привилегий, предоставленных жителям Военной границы, факт наличия в Сербии турецких гарнизонов фактически сводил их на нет. Наличие российских гарантий также не играло существенной роли, поскольку, не имея непосредственного доступа к границам Сербии, она не могла в случае возникновения конфликтов защитить сербов. Тогда как республиканское устройство позволяло Австрии активно влиять на внутренние дела страны.

Заключение. Российские и австрийские представления об устройстве будущего сербского государства не были постоянными, изменяясь под влиянием различных внешнеполитических факторов. Тем не менее основные характеристики, которым должна была соответствовать сербская государственность по мнению Австрии и России, оставались неизменными на всем протяжении восстания. Для России такими характеристиками являлись наличие российских гарантий и предоставление Сербии максимально широкой автономии. Первое позволяло российской внешней политике заполучить, наряду с Молдавией и Валахией, еще один рычаг воздействия на Порту, второе – значительно дестабилизировало Османскую империю и вместе с тем позволяло удовлетворить запросы общественного мнения, требовавшего защиты православного населения Османской империи. Для Австрии важнейшими характеристиками будущего сербского государства являлось, во-первых, обеспечение прочного и стабильного мира в приграничных провинциях Порты, что позволяло безопасно вести торговлю на Дунае, в частности, и на Балканах, в целом.

Во-вторых, для Австрии являлось важным не допустить предоставления сербам широких привилегий и роста влияния России на данной территории, поскольку это могло привести к сецессии ряда провинций Габсбургской монархии и присоединению их к создаваемому сербскому государству.

Ни Австрия, ни Россия не рассматривали сербов как полноценный субъект международного права и поэтому не допускали возможности создания независимого сербского государства. Австрия, будучи ближайшим соседом, предполагала возможность последующего присоединения Сербского княжества к империи Габсбургов, поэтому для нее создание сербского государства являлось тактическим шагом и не имело длительной перспективы. Россия, не имея возможности включить территорию Сербии в свой состав, но также стремясь сохранить свое влияние в регионе, вынуждена была пойти на создание автономного Сербского княжества, что в некоторой степени противоречило принципам легитимизма, лежащим в основе российской внешней политики. Для России, не имевшей планов по присоединению Сербии, создание княжества на ее территории носило долговременный, стратегический характер, что в известной мере совпадало с целями самих сербов.

И Австрия, и Россия в своих проектах, по большому счету, игнорировали те государственные институты, которые формировались на территории повстанческой Сербии. Считая сербов народом диким, некультурным и нецивилизованным, они полагали, что те не в состоянии сформировать собственное государственное устройство. Такое игнорирование сербских интересов и целей привело к тому, что сербы отказались принять условия Бухарестского мирного договора, что в конечном итоге привело к поражению и подавлению восстания осенью 1813 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровин, Н.Ф. Сербский вопрос в царствование императора Александра I / Н.Ф. Дубровин // Русский вестник. – 1863. – № 7–8. – С. 89–167.
2. Грачев, В.П. Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ним правительства России / В.П. Грачев // Россия и Балканы: из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.) : сб. науч. ст. / Ин-т славяноведения РАН ; редкол.: И.С. Достян (отв. ред.) [и др.] – М. : Ин-т славяноведения РАН, 1995. – С. 4–41.
3. Kállay, V. Die Geschichte des serbischen Aufstandes 1807–1810 / V. Kállay. – Wien, 1910. – 554 s.
4. Новаковић, Ст. Вакрс државе српске // Ст. Новаковић. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. – 559 с.
5. Новаковић, Ст. Уставно питање и закони Карађорђева времена : студија о постању и развићу врховне и средишне власти у Србији 1805–1811 // Ст. Новаковић. – Београд : Давидовић, 1907. – 131 с.
6. Новакович, Ст. Из дипломатической истории Сербии. Мир Петра Ичко: попытка непосредственного соглашения Сербии с Турцией 1806—1807 гг // Ст. Новакович. – СПб. : Тип. Акд. наук, 1903. – 117 с.
7. Вукићевић, М. Карађорђе : у 2 књ / М. Вукићевић. – Београд : Слово љубве, 1988. – Књ. 2 : Историја устанка од 1804–1807. – 689 с.
8. Внешняя политика России XIX и начала XX века : Документы Рос. м-ва иностр. дел / Комис. по изданию дипломат. док-в при МИД СССР. – Сер. 1. Т. 3: январь 1806–июль 1807 гг / ред. кол. : А. Л. Нарочницкий [и др.]. – М. : Политиздат, 1963. – 840 с.
9. Белов, М.В. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия / М.В. Белов. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 1999. – 159 с.
10. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 11 књ / сакуп А. Ивић. – Београд–Суботица : Научно дело, 1935–1977. – Књ. 4: Година 1807. – 1938. – 1024 с.
11. Грађа бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 5 књ / сакуп. С. Гавриловић. – Београд : Срп. акад. наука и уметности, 1985–2003. – Књ. 1 : 1804–1810. – 1985. – 704 с.
12. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 11 књ / сакуп А. Ивић. – Београд–Суботица : Научно дело, 1935–1977. – Књ. 5: Година 1808. – 1939 – 1088 с.
13. Грађа бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 5 књ / сакуп. С. Гавриловић. – Београд : Срп. акад. наука и уметности, 1985–2003. – Књ. 2: 1811. – 1989. – 541 с.
14. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия : сб. док. : в 2 кн. – Кн. 2 : 1808–1813 / сост.: И. С. Достян [и др.]. – М. : Наука, 1980. – 398 с.
15. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Рос. м-ва иностр. дел / Комис. по изданию дипломатич. док-в при МИД СССР. – Сер. 1. Т. 4 : июль 1807–март 1809 гг ; редкол.: А.Л. Нарочницкий [и др.]. – М. : Политиздат, 1965. – 783 с.
16. Мичета, Л. Карађорђе : биографија. Повест о животу српског Вождя, његовом добу и васкреу државе српске : у 2 књ / Л. Мичета. – Београд : Лагуна, 2018. – Књ. 1. – 531 с.
17. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 11 књ / сакуп А. Ивић. – Београд–Суботица : Научно дело, 1935–1977. – Књ. 6: Година 1809. – 1965 – 558 с.
18. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 11 књ / сакуп А. Ивић. – Београд–Суботица : Научно дело, 1935–1977. – Књ. 7–8: Година 1810.– Св. 1. – 1966 – 404 с.
19. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 11 књ / сакуп А. Ивић. – Београд–Суботица : Научно дело, 1935–1977. – Књ. 7–8: Година 1810. – Св. 2. – 1966 – 734 с.
20. Грађа бечких архива о првом српском устанку : зб. док. : у 5 књ / сакуп. С. Гавриловић. – Београд : Срп. акад. наука и уметности, 1985–2003. – Књ. 3: 1812. – 1992. – 684 с.

21. Грађа за историју Првог српског устанка / ред. Р. Перовић. – Београд : Југославија, 1954. – 371 с.
22. Грађа из земуних архива за историју Првог српског устанка : зб. док. : у 3 књ / сакуп. Ж. Илић [и др.]. – Београд : Ист. арх., 1955–1969. – Књ. 2: 1809. –1961. – 441 с.
23. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Рос. м-ва иностр. дел / Комис. по изданию дипломат. док-в при МИД СССР. – Сер. 1. Т. 5 : апрель 1809–январь 1811 гг ; редкол. : А.Л. Нарочницкий [и др.]. – М. : Политиздат, 1965. – 783 с.
24. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Рос. м-ва иностр. дел / Комис. по изданию дипломат. док-в при МИД СССР. – Сер. 1. Т. 6: 1811 – 1812 гг ; редкол. : А.Л. Нарочницкий [и др.]. – М. : Политиздат, 1962. – 866 с.
25. М.И. Кутузов : сб. док. : в 5 т. / Под ред. Л.Г. Бескровного. – М. : Воен. изд-во, 1950-1956. – Т. 3: 1808-1812. – 1952. – 1026 с.
26. Грачев, В.П. Сербский вопрос на переговорах 1812 года между Россией и Турцией о заключении Бухарестского мира / В.П. Грачев // Славяноведение. – 2001. – № 1. – С. 3–17.

Поступила 04.12.2020

RUSSIAN AND AUSTRIAN MODELS OF THE STATE STRUCTURE OF REBEL SERBIA (1807 – 1813)

M. SKORB

Based on diplomatic correspondence, the article analyzes Russian and Austrian models of the state structure of Serbia at the second stage of the First Serbian uprising. The introduction substantiates the relevance of the research and analyzes the main approaches to the study of this range of problems. The main part shows the dynamics of Russian and Austrian ideas about the status, internal structure and international position of the future Serbian state, and highlights the factors that influenced the formation of these ideas. Considerable attention is paid to the influence of European events on the policy of the powers in relation to the rebel Serbia. The article shows the relationship between the dynamics of Russian and Austrian ideas about the state structure of the Serbian state and the aspirations of the rebels. The conclusion draws a conclusion about the principles and goals of the Russian and Austrian policy towards Serbia.

Keywords: Austria, Russia, Pashalik of Belgrade, First Serbian uprising, autonomy.